

ДИСЦИПЛИНА

Пьеса написана в 2021 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» (организаторы: театр «Старый дом» (Новосибирск), театр «Практика» (Москва), «Чехов-центр» (Южно-Сахалинск) и Калининградский областной драматический театр).

Пожалуйста, указывайте эту информацию во всех рекламных материалах, связанных с использованием этого текста — например, в анонсах, программках и пресс-релизах.

Аня в лифте

Аня, 35 лет

Марина Николаевна, мать Ани, 63 года

Николай Карпович, отец Ани, 60 лет

Одноклассники Ани, около 35:

Маша

Оля

Петя

Женя

Первое действие

1.

Аня в лифте. Она подпрыгивает, отталкиваясь обеими ногами, и тут же с грохотом приземляется обратно. Лифт останавливается.

Аня достает телефон, звонит.

Аня. На-асть, приколы, я в лифте застряла!

Ага.

Мать бы сказала: «Это знак!» Но это я сама.

Да, бред!

Зашла в лифт и вспомнила, как все детство она мне говорила: «Не прыгай, застрянешь!» Я, пока здесь жила, так ни разу и не прыгнула. А тут думаю: пусть все будет по-другому, начну визит с символического бунта. Прыгнула...

Нет, все в порядке, я уже лифтера вызвала.

Ей не звонила. Это даже хорошо, что застряла далеко от нашего этажа. Куда ее нервам столько потрясений в один день?

В общем, сейчас вытащат меня, и пойду сдаваться...

Слушай, ну... ну... что опять? Много раз уже обсуждали.

Резко повышает голос.

Потому что надо! Потому что устала, взрослая тетя, а все будто бы сигареты под ковром прячу. Черт, да просто перед зумерами стыдно. Да, перед малышами! Они мне говорят: «Ты ведь чекаешь!» А я ни хрена не чекаю. Я, короче, как Джоди Фостер.

Ну при чем тут, я тебя не учитываю? Что такого ужасного может случиться?

Проклянет, не захочет видеть? Ну все, правда, прости, больше не могу говорить. Вон и лифтеры пришли. Пока. Как закончу, позвоню.

Аня сбрасывает звонок, пролистывает приложения на рабочем столе телефона. Находит нужное. «Momentum», «Моментальные психологические консультации онлайн». Открывает приложение и нажимает на кнопку «Быстрая консультация».

Аня. Здравствуйте, можно без видео?

Голос. Да, конечно. Вы приобрели пять минут моментальных психологических консультаций. Я ваш консультант, Светлана. Чем я могу вам помочь?

Аня. Я застряла в лифте. Хотя это не главное, конечно. Меня зовут Аня. Мне тридцать пять лет. Я сейчас в Клопино, городе моего детства, еду в гости к матери, чтобы признаться ей, что... в общем, что живу с девушкой. Вы не могли бы мне дать какую-то рабочую инструкцию для таких ситуаций?

Голос. Я поняла ваш запрос. Ответьте, пожалуйста, на несколько дополнительных вопросов.

Вы сами хотите признаться в том, что застряли в лифте? Может быть, вас кто-то вынуждает признаться? Как вы считаете, что изменится в вашей жизни, если вы перестанете скрывать, что вы в лифте? Вам кажется, что ваша мать сможет вас принять, если узнает это? Опишите, какой реакции вы опасаетесь

больше всего. Опишите, что конкретно вы получите, если откроетесь.

Уточните, что такое Клопино.

Аня. Светлана, так вы что, нейросеть?.. Я вас сломала, что ли? Ну, привет.

Голос. К сожалению, время вашей консультации подошло к концу. Перейдите в личный кабинет, чтобы оплатить следующую...

2.

Аня у двери. Нажимает на кнопку звонка. Слышен щелчок проворачивающегося механизма. Но дверь открывается совсем чуть-чуть.

Аня. Mam, привет! Ну и какой на этот раз план действий?

Мать разговаривает энергичным шепотом.

Марина Николаевна. Так, ничего не трогай, ручки, ручки особенно не трогай! Сейчас я салфетки возьму, все протру.

Аня стоит у двери и ждет. Мама просовывает в щели руку со спиртовой салфеткой и протирает ручку.

Марина Николаевна. Так, подожди, подожди еще, хлорку на тряпку налью. Вот теперь проходи. Вставай на тряпку, пока стой тут. Сейчас тапки принесу. Ничего не трогай!

Мать приносит тапки. Аня перебирается в них из уличной обуви, стараясь ничего не трогать руками.

Марина Николаевна. Ай, грязь, грязь! Ну смотри, куда ты наступила?!

Аня. Та-ак, все хорошо. Никакой катастрофы.

Марина Николаевна. Конечно, никакой, я только весь дом намыла. Ну не стой, не стой, иди сразу руки мой! Там же, в ванной, уличные вещи скидывай, и в пакет. Я чистое положила.

Аня уходит в ванную: переодеваться в советский спортивный костюм, выданный мамой. И кричит ей оттуда.

Аня. А папа на работе же?!

Марина Николаевна. На работе, на работе.

Аня. Что?!

Мама. На работе, говорю, поздно вернется...

Аня. Хвала богам!

Мама. Ну скоро там?!

Аня возвращается.

Аня. Вот, все! Красота?

Мама. Красота, конечно.

Аня. Не пойму, отца нет, а ты чего шепчешь-то тогда? Чтобы вирусы не услышали?

Марина Николаевна. Ань, а у нас гости!

Ань. Мама, какие гости?!

Марина Николаевна. Гости, гости, вон там, в дальней комнате. Друзья твои школьные пришли.

Аня. Да ты что сочиняешь?! Друзья? Не было у меня в школе никаких друзей.

Марина Николаевна. Друзья, не друзья... Ну, знаешь ты их: Петя Скорик, Маша Чупина, Оля Садикова, Женя... не помню как... Петя... А, про Петю я уже сказала. Ну, в общем, они там с другими выпускниками встречались. И тебя звали. А ты им нигде не отвечала! Ни на звонки, ни в «ВКонтакте».

Матери не отвечаешь, я привыкла, а люди беспокоились. Собрались, позвонили на наш домашний номер. Ань, это судьба, я их пустила. Они там сидят в засаде, как бы сюрприз. Но лучше уж без сюрпризов, да?

Аня. Без сюрпризов уже не вышло. Это же враги мои, мама!

Марина Николаевна. Ну какие враги?! Маша у нас в гостях была на твоё восьмилетие, с Олей вы дружили, в библиотеку ко мне приходил весь третий класс. Женю я не знаю, конечно. Но вот с Петей вы в десятом классе ходили дружить.

Аня. То есть с Олей я дружила, а с Петей ходила дружить?

Марина Николаевна. Хватит смеяться над матерью! Всю жизнь над матерью смеется! У нас это так называли.

Аня. «Это» у вас так называли! А что «это»? Ладно, мам, ты только туда не заходи, посиди у себя пока, а я постараюсь их быстро выпроводить. Как ты

вообще пустила кого-то в уличной одежде? Или им ты тоже выдала спортивные костюмы трикотажной фабрики «Хакасия»?

Марина Николаевна. Аня, что ты, на тебе последняя «Хакасия», еще из бабушкиных запасов! Как уйдут, я там сразу все продезинфицирую.

Аня. Так, нет, мама, не отвлекайся, держи перспективу. Ты помнишь, что я по делу приехала?

Марина Николаевна. Конечно, помню, я тебя уже полгода прошу свои бумаги разобрать, вон четыре стопки у меня в комнате пылятся... *(Видит негодование на Анином лице.)* И какой-то важный разговор, да-да, я помню. Только ты все же так сразу ребят не выгоняй, это же одноклассники. *Мать уходит к себе. Аня остается одна в коридоре. Смотрит в зеркало на коричневый трикотажный костюм и идет к своей старой комнате.*

3.

В бывшей Аниной комнате.

Здесь диван, система шкафов, называвшаяся в народе «стенкой», и кассетный проигрыватель, называвшийся «музыкальным центром». Видимо, одноклассники покопались в стопке магнитофонных кассет и запустили старый альбом группы «Иванушки». Когда заходит Аня, музыка играет, а в комнате танцуют Маша, Оля, Петя. Женя сидит в стороне.

Маша. Нет, не так, не так! Смотри, и раз, и два, ручка, ручка, бедра, бедра, прыг, макарена, макарена. Ну, помнишь?

Оля. Маш, отстань, это «Снегири не гири» играют, при чем тут макарена?

Петя. Поберегись, сейчас будет нижний брейк!

Женя. Ай, ты сейчас мне ногу отдал!

Аня *(кривляется)*. Здравствуйте! Меня Аня зовут. Я приехала издалека, навестить мать. А вы кто и почему копаетесь в моих вещах?

Пауза. Петя выключает проигрыватель.

Петя. Аня, ты что, своих не узнаешь? Мы тут тебе вообще-то сюрприз хотели сделать. Но очень долго ждали тебя и... Девчонки, давайте вместе:

«Сюррррприиииз!»

Маша. Да узнает она нас, Петь, не тупи, прикалывается.

Аня. Ой-ой, этот дяденька с седыми бакенбардами — это что, Петя? А вы тогда, девчонки, — Маша-Оля или Оля-Маша. Кто-то из вас Оля, а кто-то Маша?

Женя. А меня вообще, значит, не помнишь?

Пауза.

Аня (*смеется*). Маша права, я шучу. Разве можно вас не узнать?

Оля. Какая стала борзая наша звезда! Звонишь ей, пишешь, ноль реакции. К Марии Дмитриевне за пятнадцать лет ни разу не зашла, а она все спрашивает: «Как там поживает “звезда класса”?» А больше всего бесит, что если и берешь случайно трубку, то сразу бросаешь. Ты чего трубку бросаешь?!

Аня подходит и обнимает Олю, потом Машу, хлопает по плечу Петю.

Подходит к Жене, но не решается обнять. Отходит.

Аня. Ну ладно, Оля, не ворчи. Я же в роуминге все время, потому и сбрасываю. И что мне вам отвечать? «Сорри, не приеду, опять не в городе?» Ну, правда! Очень рада вас всех видеть. Петя, бакенбарды — огонь. Девчонки — красотки, вообще не изменились. Спасибо, что не забываете! Кстати, почему, почему не забываете?

Петя. Что значит «почему»?

Аня. Ну ладно, мать моя — сказали ей: «Друзья», она и верит. Маша, ну когда мы с тобой дружили? А я помню когда. В первом классе. А потом ты ко мне в гости пришла на день рождения и всем моим старым пупсам головы оторвала. Всех обезглавила, Маш, как серийный убийца.

Маша. Аня, ну, у детей же случаются приступы неконтролируемого деструктивного поведения. А ты до сих пор пупсов своих вспоминаешь?!

Аня. А никакое это не деструктивное поведение. Ты специально им головы оторвала, потому что пупсы мои были старые и уродливые. И все у нас в доме было старое и уродливое. А ты с детства, Маша, эстет. Так что в тот же вечер я и получила отставку. И, знаешь, больше никогда никого в гости не приглашала. Кроме Пети. Петя ведь и сам простой.

Петя. Чего?..

Аня. Петя, помнишь, ты был моим парнем целых два месяца? Потом мы с тобой угодили в аварию на тачке, которую ты одолжил у своего папаши. А после аварии ты куда-то слился. Вот же кто мастер не отвечать на звонки!

Петя. Воу-воу, чего началось то! Меня и мой отец чуть не прибил, а твой бы, твой... Сама как будто не знаешь!

Аня. Понятно, проехали. Оля...

Оля. Про меня, наконец!

Аня. Мой любимый абьюзер, бест оф зе бест. Помнишь, как мы с тобой в классе дежурили и ты вылила мне на голову ведро грязной воды? Целое ведро, зимой. Как там Маша сказала: неконтролируемое деструктивное... Каждый школьный день. И снова удивительно, что я это помню, да?! Ты и тогда, Оля, удивлялась, что из-за такой глупости я с тобой не разговариваю...

Оля. Так, понятно!.. *(Маше.)* А я тебе говорила, что она там до сих пор куклы вуду и все такое...

Маша (Оле). Тихо. Аня, ты права, в школьные годы мы тебя порядочно доставали...

Петя *(пытается разрядить обстановку).* Нижний брейк!

Делает пару движений русского народного танца «Яблочко».

Маша. А Петя просто был козел. Извини, Петя. Но мы поэтому и пришли. Понимаешь, Аня, у нас такой челлендж: «Прости и отпусти». Мы уже со всеми одноклассниками встретились, ты одна прячешься.

Аня. А-а-а, понятно. Ну и отлично. У меня тут просто сейчас свой челлендж будет, и времени на ваш нет. Так что можно я сейчас быстренько вас прощу и отпущу? Прощаю тебя, Петя, прощаю тебя, Маша, и тебя, Оля, прощаю, а Женя пусть меня простит.

Маша. Нет, Аня, это так просто не работает. Надо все по инструкции.

Аня. Ну хоть у кого-то есть инструкция.

Женя. Ты же знаешь, у Маши инструкций на всех хватит.

Оля. Тихоня, ты-то чего выступаешь?!

В дверь просовывает голову Марина Николаевна.

Марина Николаевна. Я не отвлекаю, не отвлекаю, на секунду! Ань, я тут пока начала твои бумаги разбирать. Сочинения оставлять или выбросить?

Аня. Мам, какие сочинения?

Марина Николаевна. Ну, вот по краеведению. «Клопино — город воинской славы», «Не клоп, а птица Клопица. Почему наш город так называется?» Еще тетрадки с твоими стихами отложила, конспекты по истории...

Аня. Мам, знаешь что, пойдём к тебе, это надо решить прямо сейчас, а ребята подождут. Здесь.

Оля. Да, да, мы ждем, мы ждем, никуда не уходим! Марина Николаевна, возвращайте нам Аню скорее!

4.

Мамина комната. Разложенный стол-книжка весь завален бумагами, тетрадками, книгами, отсортированными и нет.

Марина Николаевна. Ань?..

Аня. Ну что, мам?

Марина Николаевна. Петя какой!

Аня. Какой, мам?

Марина Николаевна. Ну, все такой же обаятельный. И не женат, Ань. Почему ты с ним не общаешься совсем?

Аня. Мам, пожалуйста, послушай меня. Только сядь. *(Достает из сумки аптечные пузырьки и ставит на стол.)* Смотри. Вот корвалол, вот пустырник, валерьянка, все твои любимые травы. Это на всякий случай. Я не хотела, чтобы так вдруг, но придется.

Марина Николаевна. Я поняла. Это сестра твоя тебя подслала.

Аня. Нет, мам, она тут ни при чем.

Марина Николаевна. Не поеду я на это обследование, это в самый город! По пробкам, по Московскому шоссе, столько людей вокруг, одна зараза и грязь.

Аня *(старается говорить медленно и спокойно)*. Мама, ты мне не помогаешь. Забудь про грязь хоть на секундочку. Я о другом. Вот смотри, это

твой любимый смартфон, а в нем твое любимое приложение Фейсбук. Странно, что ты любишь Фейсбук, если бы ты, как и положено, любила «Одноклассников»... Через два часа или уже через час с лишним в Фейсбуке появится всплывающая реклама одного видеоблога, «Открытый разговор», где будет маячить и мое лицо. Я там типа даю откровенное интервью... Глупо. Но, раз уж ты, скорее всего, его увидишь, лучше я сама признаюсь. Ты же помнишь мою соседку, Настю?

Марина Николаевна. Аня, о чем ты говоришь? Ты что, опять меня опозоришь? Аня, ответь, пожалуйста, это то, о чем я думаю?!

Аня. Я не знаю, о чем ты думаешь, мам.

Марина Николаевна. Ты снова рассказываешь всем, какая у тебя плохая мать?

Аня. Нет. И тот пост был не для всех, а для ограниченного круга...

Марина Николаевна. Знаешь, раз так, я тоже хочу признаться. Я сама их позвала. Ребят. Они давно просились, а тут ты позвонила, что приедешь на разговор, и я позвала.

Аня. Мама!

Марина Николаевна. Я ради Пети. Ань, ну почему ты не хочешь снова с Петей дружить? Смотри, какой парень хороший. И до сих пор по тебе сохнет!

Аня. Потому что я – лесбиянка, мама!

Марина Николаевна. Что-о-о?!

Аня. Черт, ненавижу это слово, но да-а-а.

Марина Николаевна. Не-е-ет...

Аня. Да-а-а, мам.

Марина Николаевна. Не-е-ет.

Пауза. Мать хватается за голову, замирает. Вскрикивает.

Марина Николаевна. Какая ужасная грязь, какая грязь! Мне надо...

(Смотрит по сторонам.) Господи, сколько от тебя грязи, Аня!

Мать хватается за пылесос, начинает собирать его: шланг, труба, щетка.

Аня пытается ей помешать. Безуспешно.

Аня. Мам, какая грязь?! Положи его, положи! Выключи, перестань.

Выдергивает пылесос из розетки.

Марина Николаевна. Так, все, ты возвращаешься! Не-е-ет, ты остаешься, остаешься здесь! А Настя эта... Хороша соседка! Что ты там говорила про нее? Не хочу ничего знать про эту грязь! Остаешься тут, за вещами я сама съезжу. Где твой ключ? Давай ключ! Ах, тут же еще эти... И Петя. Иди быстро проводи их! Так, так, думай, думай. Где-то у меня был телефон, вот, вот, там отца твоего от пьянства кодировали, и тебя закодируют. Что ты стоишь, иди проводи одноклассников! Боже, как меня тошнит, тошнит от всей этой грязи! Я чувствовала, я знала: что-то не так, что-то случится. И ты обо всем этом уродстве еще и публично рассказала? А это как исправить, это как мне исправить прикажешь?! Как мне все это исправить, Аня? А-а-а, мы уедем. Мы соберемся и уедем с тобой в Канск.

Аня. Почему вдруг в Канск?

Марина Николаевна. Или в Абакан, в Шушенское. Уедем подальше от всех, от всех. Стыдно, Аня, стыдно и страшно!

Аня. Так, прежде чем меня тут с ног до головы намылят и начнут отмывать от ужасного позора, я, наверное, правда, схожу отправить одноклассников по домам.

Марина Николаевна. Иди! Иди! Пусть хотя бы они не узнают об этом позоре!

5.

Аня возвращается в комнату к одноклассникам.

Маша. Не сбежала? А я тут как раз все подготовила. Та-дам! Это волшебная шляпа, врачующая души и склеивающая разбитые сердца. В ней мои фирменные примирительные фанты.

Аня. Маша, а ты что, на психолога выучилась?

Маша. Вообще не в курсе, да? Я же в Клопино главная по квестам! Игродром в ТК «Подвиг»! Квесты, ролевые игры, быстрые свидания!

Оля. А я... В общем, Маша меня своим замом берет!

Маша (*Оле*). Беру, беру. (*Ане*.) Что, даже не слышала? Ладно, проехали. Но, если хочешь, чтобы мы отсюда быстро и добровольно исчезли, соглашайся на фанты.

Аня. Так, и вы все тоже хотите со мной здесь и сейчас сыграть в Машины фанты?

Женя. Я очень хочу, Аня!

Оля. А меня на работу берут, так что я, как босс скажет.

Аня (*смотрит на Женю с удивлением*). Хорошо, фанты так фанты. Только быстро. Что нужно делать? Тянуть бумажки из шляпы? Я могу первой.

Маша протягивает ей шляпу. Аня достает из шляпы свернутый листок бумаги.

Аня (*читает*). «Как ты?» Это все вопросы у тебя такие? «Как ты?», «Чё как?», «Как оно?» Я норм, Маш, норм.

Маша. Дай сюда. (*Берет фант, читает*.) «Как ты живешь?» Должно быть, не пропечаталось. «Расскажи, как ты живешь?»

Аня. А как я живу? Обычно, как все... Муж, дети, работа, аккаунт в Инстаграме, квартира в Кудрово, зато своя, но в ипотеку, конечно, и дача в кредит, потому что детям нужен воздух. В общем, сижу с детьми, пеку тортики с кремом, веду свой блог о путешествиях. О путешествиях, знаете, очень легко писать, не выходя из дома.

Оля. Да ладно, что ты врешь? Нет у тебя ни мужа, ни детей!

Аня. А вот и есть, Оля!

Оля. Не верьте ей, у нее фотки в Сети только из путешествий! Никаких детей.

Аня. Поездки все были до замужества, фоток на пять лет вперед хватит. А детей я в сеть не выкладываю.

Петя. И что, у тебя в телефоне нет ни одной семейной фотки? Неубедительно как-то!

Оля. А вот сейчас посмотрим.

Аня (*очень зло*). Оля, стой! (*Спокойнее*.) Если хотите, пожалуйста, у меня в телефоне есть фото, я сама сейчас все покажу. Та-ак, так... (*Листает фото в*

телефоне.) Вот, двое, мои, мальчик и девочка, погодки, а вот мы с Ваней, с мужем.

Петя. Дай сюда!

Берет телефон в руки, долго смотрит. Ошарашен.

Женя. Можно?

Заглядывает в телефон и быстро отходит.

Аня (*подходя к Маше и Оле*). Смотрите, Сашка на папу похож, а Ирочка — вылитая я. А хотите, покажу, какие торты я пеку? У меня тут как раз есть...

Женя, ну чего ты так смотришь, тоже не веришь? Ой, а Петя погрустнел?

Замужем, я замужем, у меня вот, смотрите...

Показывает кольцо на безымянном пальце.

Петя. А мама твоя сказала, что ты не замужем.

Аня. Не любит она зятя, что поделать? Ну, Маша, есть там еще фанты в твоей шляпе? Или все это затевалось для того, чтобы узнать мое семейное положение?

Маша. Есть. Теперь Петина очередь тянуть.

Петя тянет следующий фант.

Петя. «Признайтесь, кого в этой комнате вы ненавидите?» Оу, пожалуй, я пропущу ход.

Маша. Кто пропускает ход, целует хозяйку!

Петя подбегает к Ане и пытается поцеловать ее в щеку.

Аня. Ай, ты что!

Резко отталкивает его. Петя падает. Женя инстинктивно протягивает ему руку. Он отталкивает ее. Стремительно поднимается сам. Снова хватается Аню за руки, пытается притянуть к себе. Аня вырывается.

Маша. Петя, Петя, завязывай!

Оля. Яблочко, стой!

Оля и Маша пытаются преградить Пете путь. Женя хватается его сзади за рубашку, рубашка рвется. Завязывается неуклюжая борьба. Петя снова пытается поцеловать Аню и снова летит на пол.

Петя. А знаете, я всех вас ненавижу! Вот этих двух (*указывает на Олю с Машей*), на чьи уговоры вечно ведусь. Черт, черт, так ведь уже было! «Давай, Петя, давай, поднажми, какая вы будете клевая пара!» И вот эту унылую (*указывает на Женю*) тоже ненавижу. Рубашку порвала, блин.

Аня. Что, Петя, папа заругает? Рубашка одна у тебя, да?

Петя. Больше всего я ненавижу тебя, Аня! Как живет с тобой хоть кто-нибудь?! Ты же...

Аня. Кто, Петя?

Петя. Ты — рыба, рыба, рыбина!

Знаете, как мы попали в аварию? Ходили, гуляли с ней, типа пара. Месяц прошел, второй, но она не разрешает вообще ничего, вообще. Даже просто... Даже за руки. «Нет, убери! Нет, не трогай!» Поехали на машине кататься, я возьми и попытайся ее в щеку... один раз... Она как оттолкнет, я от неожиданности — на газ... И — бум! Разбил из-за нее отцовскую машину. Как я тогда тебя ненавидел, Аня! Думал, прошло уже, но нет!

Женя. Ты, конечно, редкий придурок, Петя!

Аня (*смеется*). А я думала, в больницу не приходил, потому что тебе стыдно было. Вот же наивная, да?!

Маша. Ань, Пете стыдно, и нам тоже стыдно, за все. У нас вот такая игра была с Олей: спаси «Старую деву».

Оля. Ну и мы тебя спасали, понимаешь, чтобы ты не стала старой девой...

Маша. Сказали Пете, что ты в него влюблена, и вообще.

Петя. А можно нитку с иголкой?

Маша. Ань, это просто игра была. Но, может быть, она тебя расстраивала...

Аня. Может быть?! Может быть, Маша?! Да вы... Ай! (*Машет рукой, идет к стенке и вытаскивает из одной ее секции коробку из-под шоколадных конфет.*) Петя, на, вот здесь нитки и иголки.

Петя не раздумывая снимает рубашку и садится зашивать.

Маша. Ой, сейчас моя очередь тянуть!

Аня. Уходите, пожалуйста!

Аня идет к Маше с намерением вытолкать ее из комнаты. Маша уворачивается, отбегает на другой конец комнаты.

Маша. Итак, мой фант, мой фант... «Этот фант передайте следующему участнику!» Кому?

Женя. Мне! *(Берет фант, читает.)* «Расскажите, почему вы здесь?»
Аня останавливается как вкопанная.

Оля *(смеется)*. Раз, два, три, морская фигура, замри!

Женя. Я здесь потому, что очень виновата перед Аней. Так ведь?

Аня. Нет.

Женя. Так, так. И тут надо пояснить остальным. Оля, Маша, помните, я попала к вам, когда вы были в шестом классе?

Маша. Ага, и вы с Аней сразу спелись.

Женя. Да, всегда ходили вдвоем.

Маша. Странная парочка: учительская любимица и эмо-герл, приехавшая из Азкабана.

Аня. Из Абакана, Маша, из Абакана.

Женя. Ну, в общем, не только вам эта дружба не понравилась, но и вашей любимой Марии Дмитриевне. Как-то она попросила меня остаться после урока и сказала: «Гуляева, послушай меня! Аня — хорошая девочка. Перестань к ней липнуть, ты на нее плохо влияешь!» Потом сказала, что в школу меня взяли из жалости и я, если не хочу вылететь отсюда, должна найди себе другую подругу. А я не хотела вылететь. Мы с мамой переехали сюда вдвоем, она работала каждый день по двенадцать часов, и ей было некогда искать мне новую школу. Еще ваша святая классная почему-то говорила, что я уродливое, больное создание, и даже почему-то грозила психиатрической больницей. Мне было страшно, и я выполнила ее требование. Постепенно отдалилась от Ани. Это моя вина, и я хочу попросить прощения. Простишь меня?

Аня. Да, конечно, я никогда и не злилась.

Женя. А почему ты не злилась, почему ни разу не подошла и не спросила: «Что случилось, Женя?»?

Аня. Не знаю. Это все такая давняя история, я не помню уже. Просто не спросила, и все.

Женя. Не помнишь?

Аня. Нет.

Петя. Так, так, а это уже интересно!

Аня. Петя, ты шьешь там, вот и шей себе! Жень!

Женя. А вот Мария Дмитриевна помнит. Она мне тут отдала одну тетрадочку со стихами.

Достает смятую тетрадку.

Аня. Жень, пожалуйста, не надо!

Женя. Ну, по-другому, вижу, не получается. Я прочитаю одно стихотворение, любимое!

Аня пытается отобрать тетрадку, но Женя выше нее, она просто поднимает руку с тетрадкой вверх, и Аня не может ее достать.

Аня. Отдай, отдай, пожалуйста!

Женя. Забирай. Я наизусть выучила. Это же любимое стихотворение!

Аня. Пожалуйста...

Маша. Стойте, стойте! *(Достает телефон.)* Сейчас... Все, записываю!

Женя. Ж. Е. Н. Я.

В этом имени жизнь моя.

Аня. Отдай! Перестань!

Женя. С ней могу я быть лучше, чем

Мой дурацкий серый двойник!

Оля. Дурацкий серый двойник. Ого, как красиво!

Женя. И как только она меня

Поцелует —

Проснусь я.

И как только она меня поцелует —

Я превращусь в...

Если только она меня не прогонит,

Если только никто не узнает,

Одноклассники, мать, участковый,

Дворник, завуч из нашей школы...

И так далее. Там большой список тех, кто не должен узнать. Но узнала в итоге Мария Дмитриевна. А дальше Аня как-то убедила ее, что «любимая ученица» ни в чем не виновата, что я ее совращаю и что она бедная запутавшаяся овечка. И так талантливо врала нашей правильной старушке, что та превратила жизнь «Ж. Е. Н. Я.» в ад. И вот, смотрите, столько лет прошло, а эта маленькая врушка вообще не изменилась. Выдает детей и мужа сестры за своих и думает, что прокатит.

Петя. Так это не твои дети? Ты свободна, получается?

Маша. Петя, ну ты чего? Мы тут сейчас узнали, что она вообще по девочкам. Ань, знаешь, я как бы к такому нормально. В детстве бы, конечно, зачморила насмерть. Но мы ведь не дети уже. И вот этот обличительный спич, Женя... Ну я не знаю, как-то это... Что за подростковая мстительность?

Оля. А мне твои стихи понравились, жаль, Женя не дочитала до конца.

Женя. Значит, я тут теперь злодей? Может, мне еще и извиниться?

Маша. Ну да, хорошо бы извиниться.

Оля. Мы тебя, Женя, отсюда не выпустим, пока ты не извинишься!

Аня. Маша, Оля, да как вы умудряетесь все превратить в травлю?! Взрослые люди, ага.

Сегодня с утра я пообещала себе, что больше не буду врать никогда и никому, и тут же — опа! Впрочем, как всегда. Спасибо, Женя, правда, спасибо...

Я так была в тебя влюблена тогда. Ты переехала из города, где я проводила лето, и казалась мне таким моим личным летом посреди учебного года. Как только мы оставались наедине, я забывала, как ходить, говорить, как дышать нормально. И вот видишь, оказывается, все мое большое чувство не помешало бросить тебя «Ей» на съедение. Вряд ли такое можно простить, но да, ты была вправе ждать извинений.

Женя. Знаешь, я всегда понимала, что ты виновата в том, что МД объявила меня своим врагом номер один. Но не могла понять... Почему, что случилось, чем я заслужила?... А на одном вечере выпускников МД — наверное, от

досады, что ты к ней не заходишь, — вручила мне эту тетрадку. И хорошо, что так.

Я злилась на тебя полжизни, но больше не могу. Просто не понимаю, как можно было позволять всем этим уродцам руководить собой.

Аня. Я теперь не буду позволять, обещаю!

Женя. Хорошо!

Аня. Хорошо. Женя?..

Женя (*смеется*). Ну, спрашивай!

Аня. Как ты вообще сейчас?.. А то ведь тебя в социальных сетях не найти. И я уже думала, вдруг...

Оля. Аня, набери в Инстаграме «никто не знает» английскими буквами. Это Женя!

Женя (*Ане, с шутливой интонацией*). Ты думала, я что?.. Умерла? Или жизнь моя пошла под откос? И все из-за того случая?

Аня. Ну... Да.

Аня смеется.

Женя. Не волнуйся так, дружок, я в порядке. Если хочешь, давай как-нибудь тебе всё...

Голос матери из соседней комнаты: «Аня, Аня, зайди на секундочку, мне нужна твоя помощь!»

Аня. Женя, и вы все трое, пожалуйста, не уходите, я быстро.

Петя. Да куда мы денемся...

6.

Аня в комнате матери.

Аня. Ну что, как ты тут? Бронируешь билеты в Абакан?

Марина Николаевна. Какие билеты?

Аня. Не выглядишь расстроенной.

Марина Николаевна. А чего мне расстраиваться?

Аня. Потому что я тебе кое в чем созналась, помнишь?

Марина Николаевна. Не знаю, о чем ты.

Аня. Не знаешь?..

Марина Николаевна. Не знаю и, честно говоря, знать не хочу.

Аня. А придется узнать. Мам?..

Марина Николаевна. Не хочу, нет! Мне все это не переварить. Давай как будто я не помню, не знаю, и не произноси при мне больше таких слов, пожалуйста.

Аня. Каких «таких»? Таких, как «лесбиянка»?

Марина Николаевна. Не слышу.

Аня. Согласна, слово мерзкое. А что ты скажешь про Настю?

Марина Николаевна. А твоя соседка Настя пусть так же, как раньше, возит меня по субботам на дачу. Ну и, может, пусть заезжает в гости иногда.

Аня. Мама, я публично рассказала о своей ориентации, и, возможно, тебя кто-нибудь спросит об этом, кто-нибудь обязательно напишет, может быть, даже будут какие-то угрозы.

Марина Николаевна. Я буду все отрицать. Ты так и знай, даже под пытками буду все отрицать. Не рыдай! Чего ты рыдаешь? Я не повезу тебя в Абакан и не буду звонить гипнотизеру из вытрезвителя, возвращайся к своей соседке Насте, только не проси, чтобы я... Этого не будет.

Аня. Мам, я не боюсь, что ты меня увезешь, и гипнотизера не боюсь. Ну двадцать первый век же.

Марина Николаевна. Нет!

Аня. И ты давно уже не в своей советской Сибири живешь.

Марина Николаевна. Я живу в своей советской Сибири. И мне там хорошо живется. Там мы с мальчиком Павликом сидим на скамейки вдвоем до утра, с гитарой, и даже не целуемся, просто сидим, и нам хорошо.

Аня. Почему же ты уехала из своего рая в это ужасное и грязное Клопино?

Марина Николаевна. Потому что пора пришла выходить замуж... Нельзя в тридцать лет без мужа, стыдно.

Аня. А хороший мальчик Павлик так замуж и не позвал, да? Пришлось ехать за плохим мужем в Клопино?

Марина Николаевна. Да. Так все и было.

Аня. Знаешь, я не понимаю, что делать, мам. У моих двадцатилетних друзей на любой случай есть инструкция по применению, и обычно эти инструкции работают. Но ты не помещаешься ни в одну инструкцию, ни в одну методичку. То бросаешься на меня, как деревенщина с вилами, то изображаешь аристократическое равнодушие. Не могу понять, почему этот мир для тебя такой грязный. И почему от всей его грязи может защитить только спортивный костюм Абаканской трикотажной фабрики? Знаешь, наверное, мне лучше исчезнуть прямо сейчас, но я все еще не выпроводила одноклассников...

Марина Николаевна (*шепотом*). Это хорошо, что ты их не выпроводила. Аня, папа сейчас придет.

Аня. Как?..

Марина Николаевна. Послушай меня, пожалуйста, внимательно. Я все это понимаю, ты, как всегда, ни о ком не подумала, ну это ничего. Я сейчас очень зла на тебя, но как-нибудь это переживу, звонки и прочее. Всю эту грязь. Но отец... Ты же не знаешь ничего. Он сейчас так изменился, после операции пить совсем завязал, спортом занялся. И все благодаря «Витязям Клопино».

Аня. Каким «Витязям»?

Марина Николаевна. Ну, это такой мужской клуб, что ли, но они зовут себя патрулем.

Аня. Патрулем?

Марина Николаевна. Да, гражданский патруль. Не делай такое лицо! С тех пор как отец к ним попал, ни одного срыва, даже пиво не пьет, только пробежки, турник, гантели и тому подобное. «Витязи» его просто спасли от самого себя.

Аня. Дай угадаю. Этот патруль защищает Клопино от...

Марина Николаевна. ...вредных русскому человеку влияний, от вражеских атак с Запада. Борются за традиции великой патриархальной Руси...

Аня. То есть немного оздоровительный клуб, немного террористы?!

Марина Николаевна. Ань, ну ты думай, что говоришь, ну какие террористы?! Врач сказал, что следующего срыва его сердце не выдержит, и волноваться ему вообще никак!

Аня. То есть эта банда...

Марина Николаевна. Да, эта, как ты говоришь, банда его и держит хоть как-то. А еще знание, что обе его дочери нашли себе достойных мужчин.

Аня. Мама!

Марина Николаевна. Ну да, я ему сказала, что вы с Петей снова вместе, что вот и свадьба не за горами. Думала, позову ребят, вдруг оно и правда так случится.

Аня. Как тебе это вообще пришло в голову?!

Марина Николаевна. А если нет, Аня, ничего, ничего! Просто походи и попроси ребят, чтобы они подыграли. Один раз!

Аня. Подыграли? Да как я их о таком попрошу, я только что... Нет, я не буду!

Марина Николаевна. Один раз сделай, как я прошу. Не убивай отца! Ты вот у нас теперь за правду. Он тоже за правду. Только у него правда другая. Поэтому можешь один разочек притвориться, один последний раз.

Второе действие

1.

В бывшей комнате Ани — она сама, ее мать, а также Петя, Маша и Оля. Жени нет. Накрыт праздничный стол на скорую руку. Чайник, чашки, печенье, конфеты.

Маша. Я не знаю, что там себе думает Женя, а я тебя понимаю! Мой отец вот тоже не знает, что я курю, и пусть не знает, ему же спокойнее.

Петя. Женя думает, что ей больно на это смотреть. А я вот просто не понимаю, почему должен участвовать в таком спектакле.

Оля. Потому что без тебя этот спектакль вообще не имеет смысла.

Маша. Петя, ты не бойся, мы тебя поддержим, если что! А ты посиди полчасика молча.

Аня. Я тоже не понимаю, почему вы все на это согласились, а не последовали примеру Жени. Кстати, вы все еще можете это сделать.

Марина Николаевна. А они согласились, потому что хорошие ребята, которые в трудной ситуации готовы подставить плечо. И не надо их отговаривать, Аня!

Звонок в дверь.

Марина Николаевна. Та-а-ак, все приготовились. Я пошла открывать.

Петя. Мне как, мне куда? Лучше сесть или стоя?

Маша. Садись во главе стола, а потом встанешь поздороваться и уважительно уступишь место хозяину дома.

Петя. Да, да, сесть, встать, понял.

Оля. Всё, садимся, садимся. Чувствую, будет весело.

Маша. Ань, а ты разливай нам чай, когда они войдут! Поверь мне, это будет бомба!

Аня. Маша, ты думаешь, я сама не умею вот это все? Лучше всех умею.

(Громко, бодро.) Садитесь, гости дорогие, я сейчас вам чаю выдам. Сама заваривала с сибирскими травами, мать-то у меня знатная сибирская травница. *(Тише.)* А все-таки что вы с Олей здесь забыли?

Маша. Представляешь, не дает мне сейчас покоя тот факт, что я в школе всех говнила, чморила, хейтила и тому подобное. И вот подумалось, что если извинюсь перед той, кого больше всего доставала, то, может быть, избавлюсь от своих флешбэков. Но ты такая коза, Аня! Пришла с видом самой особенной на свете и взбесила сразу.

Оля *(напевает).* Кукла Маша, не плачь, кукла Оля, не плачь, кукла Аня, не плачь, не плачь... Ты нас забанила везде, Аня, в Сети и по жизни, а за что? Мне вот, может, интересно, как ты живешь! Может, у меня больше никого нет знакомого из этой... из богемы. Мы вот сейчас поможем обмануть твоего доисторического предка, и, пожалуйста, убери меня из бана! Слышишь, убери из бана, хотя бы в Инстаграме!

Аня. Ладно, ладно, Оля, разбаню я тебя!

2.

Входит мать, а за ней Николай Карпович.

Марина Николаевна. А вот смотри, какие у нас гости сегодня!

Николай Карпович. Вот это неожиданно! Дочь любимая приехала!

Аня. Ну что ты, папа? Неожиданно?.. Мать наверняка еще с утра предупредила, что приезжаю. А я, видишь, не одна. Это Петр, Мария и Ольга, мои одноклассники. А это Николай Карпович, отец семейства.

Николай Карпович. Ну, знаю, знаю. Мать твоя, конечно, все растрепала.

(Обнимает ее и целует троекратно.) Мне тут еще доложили, что Петр — не только одноклассник, но и твой близкий друг.

Аня. А здесь у меня все друзья самые близкие.

Петя вскакивает. Подбегает к Николаю Карповичу, протягивает руку.

Петя. Я — Анин парень, давно мечтал с вами познакомиться!

Николай Карпович *(крепко сжимая Петину руку)*. А мы знакомы! Думаешь, не помню, из-за кого моя дочь в больницу угодила? Ну, не бойся, не бойся.

Кто по молодости не творил всякого... Теперь-то поумнел?

Петя. Поумнел.

Николай Карпович. Вот и я только теперь за ум и взялся. Знаешь, всю жизнь прожил как в тумане. И вот надо было у смертельной черты оказаться, чтобы все переосмыслить. Ну, и еще добрых друзей встретил... Хорошо, что ты, дочь, тоже друзей держишься.

Аня. Ой, я держусь еще как!

Петр. Николай Карпович, садитесь, пожалуйста, за стол, на мое место.

Николай Карпович. Шалишь, брат, это не твое место, а мое! *(Смеется, потом проходит и занимает место во главе стола.)* Ну, садитесь, все садитесь. Мать, ну ты как всегда! Столько дорогих гостей, а она даже на стол нормально собрать не может.

Марина Николаевна. Просто ребята сказали, что ничего не нужно.

Маша. Ничего не нужно, конечно. Мы не хотели вас затруднять. Да, Петя?

Петя. Да!

Оля. Николай Карпович, позвольте за вами поухаживать!

Николай Карпович. Какие у тебя, Аня, подруги заботливые!

Оля наливает отцу Ани чай.

Аня. Лучшие. Папа, а что ты там про добрых друзей говорил? Что за друзья такие?

Николай Карпович. Мария, а что же вы конфеты не берете? Берите, берите!

Маша. Спасибо, я на диете.

Николай Карпович. Обидеть хотите?

Аня. Папа, так что за друзья?

Маша. А знаете, я, пожалуй, возьму одну!

Оля. И я!

Николай Карпович. И тут уже мать чего-то наговорила?

Марина Николаевна. Коля, я только хорошее!

Николай Карпович. Хорошее! *(Медлит.)* Ай, чего уж! Тут стыдиться нечего.

Когда в больнице лежал, оказался в палате с земляком, из наших, из клопинских. Он там профилактическое обследование проходил, а так на вид совершенно молодой, здоровый, богатырь.

Аня. Витязь, да!

Николай Карпович. Ну мать!.. В общем, да, земляк каждое утро упражнялся, зарядка там, и вес разный брал, кровати железные тягал, и так, по мелочи. Прямо как я сорок лет назад. Все сидят, как дураки, на своих койках, дохлые, испуганные, шарики надувают, чтобы легкие после операции не слиплись. Руки трясутся, пот по лицу течет, а он между нами ходит и ругается. Говорит: «Запад вас спаивает, развращает, а вы и рады. Сами сдались без боя, разложились изнутри». Я сначала злился на него, а потом подумал: а ведь прав же. Вот они где у меня, эти западные ценности, бляшками холестериновыми на сердце проросли.

Ну а потом он мне, как самому внимательному слушателю, визиточку оставил. С этой визиточки все и началось.

Аня. Что началось, пап?

Николай Карпович. Миссия моя по спасению России.

Аня. И как же ты тут, в Клопино, спасаешь Россию?

Николай Карпович. Ну и что, что в Клопино. Аня, сейчас же двадцать первый век вообще-то. Я спасаю Россию посредством смартфона и высокоскоростной сети Интернет. Для живых операций я уже староват, братцы меня на соцсети распределили. Смотри, вот это смартфон, зарегистрированный на подставное лицо. Вот здесь, в Телеграме... не «телеграммой», Ань, а в Телеграме... приходит ссылка на страницу какой-нибудь развращающей народ гадины. Кто там содомию пропагандирует или против нашего образа жизни. И мне нужно гадину только немного поугатать, чтобы притихла. А если не притихнет, тут уже ребята подключаются.

Маша. Ох, дядя Коля, какая нелегкая и нервная у вас работа! Может быть, лучше поберечь себя, с вашим больным сердцем?

Николай Карпович. Это ты, Мария, лучше бы себя поберегла, мы с содомитами разберемся, и до ваших грязных игродромов дело дойдет. Думаете, не знаю, чем вы с Ольгой занимаетесь?

Маша. Чем?

Николай Карпович. Сводничеством!

Оля. Укреплением семьи.

Николай Карпович. А за мое сердце не беспокойтесь. Я теперь вообще не нервничаю. Мне эта работа в удовольствие. Сегодня вот должны прислать ссылку на новый выпуск «Открытого разговора», а там как раз будет моя новая клиентка. Так я, знаешь, жду с нетерпением!

Маша. Ой, как вы заговорили негостеприимно!

Марина Николаевна. Отец, отец, ну куда тебя занесло?!

Николай Карпович. А какие гости, такой и разговор! А ты, Петр, чего молчишь как неродной?

Петя. Я? Я за вас, полностью. Две сводницы, как есть.

Оля. Предатель!

Николай Карпович. Ох, девицы, вы лучше молчите, не злите меня!

Так, я должен сделать фото этой прекрасной пары! Аня, Петя!

Аня. Папа, не надо.

Николай Карпович. Аня, что за разговоры?! Петр, бери невесту на руки, снимаю. Я сказал: снимаю!

Марина Николаевна. Аня, Ань, ну чего ты, не упрямясь!

Аня подходит к Пете.

Аня. Ну что смотришь, бери на руки!

Петя. Можно?

Аня. Все равно уже.

Петя поднимает Аню.

Николай Карпович. Вот, другое дело! Ну ставь, ставь ее уже!

Аня (*вдруг резко Пете*). Хватай его телефон!

Петя. Что? Зачем?!

Аня машет на Петю рукой, хватая отцовский смартфон сама и швыряет об стену, он отскакивает, но не разбивается.

Николай Карпович. Да как ты смеешь?! Идиотка! Сейчас я тебе покажу, как отцовское имущество в стену швырять! Сейчас, сейчас! Если я из-за тебя клиентку не достану... Ну ты у меня...

Аня (*кричит*). Прости, мама! Я старалась по-твоему! Готовься, папочка, к «Открытому разговору». Я твоя клиентка.

Марина Николаевна. Аня, стой, не надо! Что бы ты сейчас... Отец, да шутит она!

Петя. Николай Карпович, знаете, Аня ведь и мне телефон разбила, это такая технофобия у нее.

Вдруг проявляет активность, пытаясь спасти положение. Подходит к Ане, приобнимает за талию.

Аня. Нет, нет. Нет, мама. Нет, Петя. Нет, Мария Дмитриевна. Нет, «Клопинские витязи». Все-все — нет. Папа, я твоя клиентка, я и есть твой содомит, давай, запугивай меня до смерти, а потом передай контакты своим молодым коллегам, повезло, что они все у тебя есть! Так, посмотрим, что там, пришла ли тебе ссылка. Так, вот он, секретный чат в Телеграме, у-у-у. И секретная ссылочка! Пожалуйста, вот тебе и «Открытый разговор»!

Аня включает видеозапись на смартфоне.

Голос ведущего. Вам не страшно сейчас, в России две тысячи двадцать первого года, делать такое признание публично?

Голос Ани. Мне очень страшно. Но я счастливый человек. У меня есть любимая девушка, она меня поддерживает, кстати, и молодые смелые друзья. Знаете, это новое продвинутое поколение, оно мне так нравится, хочется на него равняться. И единственное, что сейчас отравляет мне жизнь, — это страх и мое собственное вранье. Мне кажется, что стоит один раз собраться с духом и сказать о себе правду, и ты уже больше не сможешь врать, даже если весь мир восстанет против. А может быть, и не восстанет, как знать. По крайней мере, сейчас я чувствую вокруг себя только поддержку, чувствую, что мир лучше и добрее, чем мы о нем думаем. Может быть, я ошибаюсь, но у меня есть шанс это проверить. Я очень люблю своих родителей, так почему же я не даю им шанса полюбить меня настоящую? И потом, мне кажется, я сейчас могу помочь своей стране поменяться к лучшему, я журналист, может быть, однажды рискну заняться политикой, и нужно уже сейчас начинать делать свою честную биографию. Так что, как только мы все запишем, я поеду к родителям, мы сядем за стол, выпьем чаю, и у нас будет «Открытый разговор»...

Аня выключает запись. Маша, Оля, Петя и мама с ужасом смотрят то на Аню, то на ее отца. Он хватает со стала большой хрустальный салатник, заносит его над головами сидящих вокруг него и замирает.

Пауза.

Марина Николаевна (шепотом). Коля, Коль, ты чего?.. Коль, перестань, перестань, опусти!

Николай Карпович не отвечает. С поднятым салатником он отворачивается от всех, отходит к окну и остается так стоять.

Длинная пауза.

Марина Николаевна (громко). Коля, ой, это оно, началось?! Аня, что делать?!

Маша. Надо в «скорую» звонить!

Петя. В «скорую», да, я звоню, звоню, Марина Николаевна!

Аня. Подождите, подождите, говорю! Тихо!

Пауза.

Николай Карпович (*шепотом, продолжая держать над собой салатник*).

Ан-я-я... Ан-я-я-я... Подойди сюда...

Все переглядываются. Показывают взглядами Ане, чтобы подошла.

Аня (*подходит*). Ты чего шепчешь, папа?

Николай Карпович (*шепчет*). Тс-с-с... Аня, ты не подумай, я за тебя! Я вообще всегда за тебя! Только тихо, тихо, на ушко чего скажу... Я сейчас изображу приступ, а ты сделай так, чтобы все ушли. Сделаешь? (*Аня кивает.*) И, главное, пусть этот Петя уйдет, он мне не нравится! Какой-то малахольный!

Аня. Хорошо, папа.

Поворачивается к остальным, которые все слышат, показывает знаками: «Пожалуйста, уходите!» Маша, Оля и Петя медленно встают из-за стола и двигаются к выходу, показывая Ане знаками, что это все полный бред.

Николай Карпович (*шепотом*). Аня-я-я...

Аня. А?..

Николай Карпович. И подзови ко мне мать, я ее тоже введу в курс дела, а то она решит, что я реально... того...

Аня. Хорошо, папа.

3.

Аня стоит в своей уличной одежде в проеме двери.

Марина Николаевна. Может, посидишь еще? Так редко бываешь!

Аня. Нет, пора. Поехала.

Марина Николаевна. Ну, поезжай, поезжай, раз пора.

Николай Карпович. Подожди, варенье возьми, сам закатал, из наших слив.

Аня. Пап...

Николай Карпович. Ну ты видела, как я всех провел?! А?!

Аня. Видела.

Николай Карпович. Я же за тебя всегда. За тебя! Только, дочь, ты мне больше ничего такого не рассказывай и это... там... не выступай больше, ладно? Тихо там, а с этим видео я как-нибудь все замну. Так-то, конечно, от одного содомита мир не перевернется, но не все таких широких взглядов. Ну все, давай, давай. Банку не возьмешь? Ну ладно.

Дверь за Аней закрывается.

Аня вызывает лифт, заходит в кабину. Лифт застрекает между этажами.

Аня достает телефон, находит приложение «Momentum».

Аня. Привет, нейросеть, как поживаешь? Это снова я, Аня, из лифта.